

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742

УДК 821.161.1.09“18”

Ю. Н. Сытина

*Московский государственный областной университет
(Москва, Российская Федерация)*

yulyasytina@yandex.ru

«Математическая» проблема в «Подростке» Достоевского*

Аннотация. Роман Достоевского «Подросток» неоднократно отсылает читателя к математике. Именно она, как точная наука, оказывается для Аркадия Долгорукого главным гарантом истинности и достижимости идеи «стать Ротшильдом», самой по себе включающей математику — подсчеты доходов. Помимо Подростка, к авторитету «математических доказательств» прибегают Крафт и другие члены кружка Дергачева, а также Стебельков, Ламберт, Оля, предлагающая уроки арифметики. Наличие «математического доказательства» в виде рокового письма Ахмаковой становится в романе сюжетообразующим. Раскрывается математическая тема и через характерную для творчества Достоевского идиому «как дважды два», шесть раз встречающуюся в романе, в частности в знаменитом эпизоде появления «лучей заходящего солнца», обрамляющих знакомство Аркадия с Макаром Долгоруким. С развитием сюжета нарастает мотив уязвимости математики. В повествовании сталкиваются «математическая» непреложность идеи Подростка и его чувства, импульсивные поступки. Все рельефнее проступает мысль об иррациональности «математических доказательств», на самом деле построенных не на логике (которая обманчива), а на убеждении. Оппозицией математике и рациональности становится в художественном мире романа невыразимая словами «живая жизнь», соприкасаясь с которой, Аркадий внутренне перерождается. От идеала Ротшильда он приходит ко Христу, от накоплений — к самопожертвованию, от стремления замкнуться в углу — к деятельной любви, от почитания безличного Закона — к взысканию Благодати.

Ключевые слова: Достоевский, «Подросток», математика, дважды два, рациональное, иррациональное, Закон, Благодать, интерпретации, понимание, спектр адекватности

Об авторе: *Сытина Юлия Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005)

Дата поступления: 19.11.2019

Дата публикации: 07.07.2020

Для цитирования: Сытина Ю. Н. «Математическая» проблема в «Подростке» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 144–170. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742

Достоевский признавался в своей нелюбви к математике. Как известно, учась в Главном инженерном училище, он провалился на экзамене по математике и должен был остаться на второй год¹. Брату о своем отношении к математике Достоевский писал: «Сколько есть великих произведений гениев — математики и военных гениев на французском языке. Вижу необходимость читать это; ибо я страстный охотник до наук военных, хотя не терплю математики. Что за странная наука! и что за глупость заниматься ею. С меня довольно столько, сколько требуется инженеру или еще и побольше. Но к чему мне сделаться Паскалем или Остроградским. Математика без приложенья чистый 0, и пользы в ней столько же, как в мыльном пузыре» (ДЗ0; 28₁: 59–60).

Герои Достоевского то ополчаются на математику (подпольный парадоксалист), то, напротив, апеллируют к авторитету арифметики (Родион Раскольников) или эвклидовой геометрии (Иван Карамазов). Числовая символика наполняет его произведения и во многом организует их поэтику (см. об этом: [Топоров], [Ветловская], [Захаров, 2011], [Zakharov], [Белов] и др.). Подробный обзор истории изучения «арифметики» Достоевского и символика чисел в его романах, а также философских традиций (православие, католическая схоластика, немецкая классическая философия, французский материализм), с которыми спорит или же которым наследует писатель, нам уже доводилось делать раньше [Сытина, 2018a], [Сытина, 2019a], [Сытина, 2019b]. Настоящая статья является продолжением этого исследования и направлена на изучение «математической» проблематики в романе «Подросток».

На ее важность в этом произведении одним из первых обратил внимание Г. М. Фридлендер. Отмечая «противопоставление “живой жизни” логичности, рассудочности, математичности рационалистических теорий» [Фридлендер: 286], появляющееся еще в «Записках из подполья», а затем возникающее в «Преступлении и наказании», ученый писал о значимости этого мотива и в «Подростке». Фридлендер подчеркнул «объективное» совпадение в этом вопросе Достоевского и Н. К. Михайловского: последний также «отстаивает мысль о “неприложимости” математических приемов

к физиологии, биологии, наукам нравственным, “к сложнейшим исследованиям, предметами которых служат явления общественные и государственные”» [Фридлиндер: 307]. Согласно мнению исследователя, Достоевский мог быть знаком с этими статьями, как и вообще с полемикой «вокруг проблемы о применении “методов математических” в науках нравственных, экономических и социальных» [Фридлиндер: 306], которая развернулась в периодике 1869–1871 гг. Сходство взглядов Достоевского и Михайловского в этом вопросе (как и в некоторых других), «при всем несходстве и полемичности идейных концепций Достоевского и “Отечественных записок” в целом» [Фридлиндер: 259], способствовало публикации «Подростка» в этом весьма радикально настроенном издании.

Значение символики чисел в «Подростке» отмечает С. В. Белов, рассматривая с этой точки зрения все романы Достоевского: «“Подросток” <...> состоит из трех частей, события в каждой из них происходят в течение трех дней, три часа дня — роковое время для героя “Подростка” Аркадия Долгорукова» [Белов: 31]. Исследователи обращают внимание на упомянутые в романе даты, за которыми стоят определенные вехи церковного календаря, что придает особый смысл разворачивающимся событиям (см.: [Захаров, 1994, 2015], [Гаричева] и др.). Подробнейший анализ церковного календаря в «Подростке» позволяет С. В. Сызранову заключить, что «идея Божьего Промысла оказывается высшей направляющей инстанцией произведения, проявляющей себя в романном мире как незримое художество самой Жизни» [Сызранов: 148].

К осмыслению роли математики в поэтике «Подростка» побуждает сам автор романа, определенным образом направляя литературоведческие его интерпретации². Первоначально имея название «Беспорядок» и получив «репутацию хаотичного романа» [Викторович: 17], «Подросток», может быть, как никакое другое произведение Достоевского неоднократно отсылает читателя к «упорядоченной» математике. Уже в начале повествования, нервно и желчно рассказывая о своем «некняжеском» происхождении, о связи матери и Версилова, о своем приезде в Петербург, пытаюсь найти твердую «почву» в хаосе чувств и событий, Аркадий страстно убеждает читателя (да и самого

себя) в том, что жизнь строится по науке, по Закону³, представляет собою игру с определенным набором правил⁴, в усвоении которых и заключена вся мудрость:

«...уличная наука есть наука, как и всякая, она дается упорству, вниманию и способностям. В гимназии я до самого седьмого класса был из первых, я был очень хорош в математике. <...> У меня характер, и при внимании я всему *выучусь*» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 70).

Математика как точная (и абстрактная!) наука оказывается главным гарантом «истинности» и достижимости идеи Подростка. Он как заклинание трижды повторяет о *математической* непреложности идеи:

«...я бестрепетно стал за идею, ибо был математически убежден» (ДЗ0; 13: 15).

«Сперва лишь докажу, что достижение моей цели обеспечено математически» (ДЗ0; 13: 66).

«...самая нехитрая форма наживания, но лишь *непрерывная*, обеспечена в успехе математически» (ДЗ0; 13: 67).

Пусть он пошел, не может выразить и десятой доли идеи, но математика — на его стороне, и в этом — гарант истинности. Здесь Аркадий сходится с другими героями Достоевского, одержимыми идеей — Раскольниковым, который «арифметически» убежден в своих выводах (ДЗ0; 6: 50), Иваном Карамазовым, делающим упор на «эвклидов ум» (ДЗ0; 15: 214–215)⁵.

Но идея Аркадия, конечно, уже не идея Раскольникова. Отрывисто рассуждая о современном ему обществе, *второстепенный* герой «Подростка» Стебельков, по сути, предлагает новую математику *первенства*:

«Я — второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек. Первый человек сделает, а второй возьмет. Значит, второй человек выходит первый человек, а первый человек — второй человек <...>. Была во Франции революция, и всех казнили. Пришел Наполеон и всё взял. Революция — это первый человек, а Наполеон — второй человек. А вышло, что Наполеон стал первый человек, а революция стала второй человек. Так или не так?» (ДЗ0; 13: 181–182).

Переводя аналогию Стебелькова в другой — гуманитарный — контекст понимания, Б. Н. Тарасов замечает, что «развитие истории делало Наполеонов — вторыми, а Ротшильдов — первыми людьми» [Тарасов: 223]. Именно такой *математики*, вместо «устаревшей» *арифметики* Раскольниковова, придерживается и Аркадий, идея которого в начале романа — «стать Ротшильдом»⁶, что само по себе включает в себя математику — подсчеты доходов.

Всю первую часть романа Подросток тщательно считает деньги. В день, когда собственно и начинается действие, происходят три события: Аркадий берет гонорар у князя Сокольского, перепродает выгодно альбом, случайно купленный на аукционе (тем самым начиная реализовывать свою идею), и ввязывается в спор у Дергачева. Все эти события связаны с деньгами, подсчетами, цифрами, «математическими доказательствами», как и отступления, в которых Аркадий развивает свою идею и подробно рассказывает о накопленных шестидесяти рублях.

В то же время во всех трех случаях для Аркадия важными оказываются не столько деньги, сколько эмоции, амбиции, переживания о состоятельности идеи и другие отнюдь не «математические» вещи. Да и сам герой сознается, что дорога ему не «математика» доходов, но возможность спрятаться в идею, как в скорлупу, — защититься тем самым от мира, его жестокости и страстей. Аскетическое самоотвержение Аркадия сопоставимо со своего рода монашеским подвигом, но только цель этого подвига искажена: религия замещена идеей (к «идее» бытия Божьего Аркадий «довольно равнодушен, говоря вообще» — Д30; 13: 24), вера — математикой, Христос — Ротшильдом. Ложность «самоотвержения» в накоплении подчеркивает и характерный для Достоевского мотив условности и символичности денежных сумм. С большим трудом накопленные «таинственные» (Д30; 13: 17) шестьдесят рублей, отданные матери, Аркадий без особого труда получает затем в один день: пятьдесят рублей жалования (за «службу», которую он сам ни во что не ставит) и десять рублей «барыша» за перепродажу альбома⁷. В тот же день выигравший тяжбу о наследстве с князьями Сокольскими Версиллов («тут *шестьдесят* или

восемьдесят тысяч» (курсив мой. — Ю. С.) — ДЗ0; 13: 30) приказывает матери Аркадия вернуть сыну *шестьдесят* рублей, но радости от возвращения денег Подросток не получает.

Еще до этих событий в повествовании сталкиваются математическая непреложность идеи и непосредственные чувства: вызов Версилова «собственноручным письмом» смог «прельстить» (ДЗ0; 13: 15) Аркадия и заставить его отложить реализацию идеи. Из предыдущего личного опыта Подросток выводит некую переменную, которая может помешать осуществлению математически безупречной идеи, — свою натуру, чувства, движения сердца. Рассуждая о власти идеи над собой, хвастаясь собственным упорством, он все-таки рассказывает историю о том, как пожалел маленькую девочку, еще младенчика, и стал тратить деньги на ее содержание. Этот случай заставляет героя задуматься:

«...Риночка обошлась недорого <...>. “Но, — подумал я, — если я буду так сбиваться в сторону, то недалеко уеду”. <...> Из истории с Риночкой выходило <...>, что никакая “идея” не в силах увлечь (по крайней мере меня) до того, чтоб я не остановился вдруг перед каким-нибудь подавляющим фактом и не пожертвовал ему разом всем тем, что уже годами труда сделал для “идеи”» (ДЗ0; 13: 81).

Но далеко не один Аркадий *свято верит* в непреложность математики — ею одержим и Крафт, и его идея оказывается разрушительнее идеи Подростка. При обсуждении теории Крафта у Дергачева широко разворачивается тема без(?)условности математических выводов и доказательств. Первые слова (если не считать приветствий), которые слышат Аркадий и Зверев, входя к Дергачеву, говорит «учитель с черными бакенами, горячившийся больше всех»:

«...про математические доказательства я ничего не говорю, но это идея, которой я готов верить и без математических доказательств» (ДЗ0; 13: 44).

Подобный подход во многом созвучен позиции Аркадия. Идея у него другая, но отношение к ней такое же трепетное и *иррациональное* при всей *вере* в *математическую* ее непреложность. Внешне «характер обоснования» «идей» и можно

назвать «математичностью» [Фридлендер: 305], но рационалисты и материалисты оказываются неверны математике по сути (и это не без иронии дает понять читателям Достоевский — именно он, не рассказчик), соглашаясь *верить* без рациональных доказательств, когда речь заходит о близких им убеждениях. Но они же беспощадно и с возмущением отсылают оппонентов к математике, когда дело касается религии или других чуждых им идей.

Идея Подростка попадает на благодатную почву в кружке Дергачева, рассаднике других идей, — недаром Аркадий, вопреки своим намерениям, вдруг ввязывается в спор и начинает страстно проповедовать.

«Математически» обосновывает свои взгляды и Крафт:

«...после него осталась вот этакая тетрадь ученых выводов о том, что русские — порода людей второстепенная, на основании френологии, краниологии и даже математики, и что, стало быть, в качестве русского совсем не стоит жить» (Д30; 13: 135).

Образ Крафта загадочен и амбивалентен. Достоевский награждает его немецкой фамилией, тем самым, с одной стороны, еще более подчеркивая глубину убеждения героя в том, что он русский, и трагизм его положения; но, с другой стороны, в немецкой фамилии можно усмотреть и авторскую иронию: в том-то и дело, что только *нерусский*, оторвавшийся от «почвы» человек может быть убежден, что «всякая дальнейшая деятельность всякого русского человека должна быть этой идеей парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки» (Д30; 13: 44). Недаром сквозь сдержанность и вежливость в лице Крафта проступает «что-то такое слишком уж спокойное в нравственном смысле, что-то вроде какой-то тайной, себе неведомой гордости» (Д30; 13: 44). Сочетание спокойствия, внешне лишенного и намека на фанатизм, убежденности в своей национальной второстепенности и гордости, глухоты к любым доводам порождает диссонанс, что дополнительно компрометирует и Крафта, и проповедуемую им идею. В то же время степень его убежденности и последовательность становятся очевидны после известия о его самоубийстве: «...взять и застрелиться вследствие вывода — это, конечно, не всегда бывает» (Д30; 13: 135).

Для Крафта, как и для Аркадия, характерен максимализм: всё или ничего, никаких полумер. Поэтому он не внемлет, когда ему «логически, математически» доказывают, что даже «если Россия только материал для более благородных племен», то и «послужить таким материалом <...> — роль довольно еще благовидная» (ДЗ0; 13: 45). Зачем вообще заботиться о национальностях, если человечеству предстоит перерождение? Нужно трудиться «для будущего еще неизвестного народа, но который составит из всего человечества, без разбора племен» (ДЗ0; 13: 45). Но Крафта, как и Ивана Карамазова, по видимому, не прельщает идея «унавозить собою для кого-то будущую гармонию» (ДЗ0; 14: 222). В то же время он убежден: нельзя, «будучи под влиянием какой-нибудь господствующей мысли, которой подчиняются ваш ум и сердце вполне, жить еще чем-нибудь, что вне этой мысли» (ДЗ0; 13: 46).

В обсуждении идеи Крафта все рельефнее проступает мысль об иррациональности математических убеждений, благодаря которой «идеи не страшны ни противоречия, ни алогизмы, ни отрицание, ни апология, ни насмешки оппонентов» [Захаров, 2015: 568], она «может разом, вдруг охватить всего человека» [Сыроватко: 66]. Как замечает Васин, «у Крафта не один логический вывод, а, так сказать, вывод, обратившийся в чувство» (ДЗ0; 13: 46). И далее развивает мысль на первый взгляд верную, но по существу абстрактную, «овнешнюющую и завершающую» [Бахтин: 69] натуру человека и неповторимость его личности⁸:

«...у многих логический вывод обращается иногда в сильнейшее чувство, которое захватывает всё существо и которое очень трудно изгнать или переделать. Чтоб вылечить такого человека, надо в таком случае изменить самое это чувство, что возможно не иначе как заменив его другим, равносильным. Это всегда трудно, а во многих случаях невозможно» (ДЗ0; 13: 46)⁹.

Слова Васина поражают Аркадия своей справедливостью по отношению к нему самому, ведь и у Подростка *идея становится чувством*, заступает место любви к Богу: когда он отказывается от этой любви, то с неизбежностью выдумывает себе другую, ибо «свято место пусто не бывает». Размышляя

над этой подменой в связи с самоубийством Кириллова в «Бесах», Д. С. Мережковский пишет:

«Я не могу любить внешнее, мертвое, безличное — ни математическую формулу: дважды два четыре, ни механический закон тяготения; я могу любить только внутреннее, живое, родное, кровное — я могу любить только “Отца”. Ежели я действительно полюбил необходимость последнюю любовью, то необходимость уже перестает быть для меня необходимостью и становится свободой: “не Моя, а Твоя да будет воля”» [Мережковский: 435–436].

Кириллов *логически* доказывает необходимость самоубийства, исходя из совершенно иных посылов: для него самоубийство — это не самоистребление из-за убежденности в собственной вторичности, но, напротив, возможность стать человекобогом, преобразить свою природу. В рассуждениях Кириллов не апеллирует к авторитету математики, но он — инженер, и потому хорошо ее знает¹⁰. От *веры* в незыблемость своих выводов его не спасает ни любовь к миру и людям, живущая в его сердце и проявляющаяся в поступках, ни признаки начинающейся эпилепсии, провоцирующей мистическое мироощущение.

В «Бесах» появляется и знаменитая цитата, построенная на столкновении Христа и математики. Шатов напоминает Ставрогину его давнее убеждение, «что если бы *математически* доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 10: 198). Эту формулу принято сравнивать с эпистолярным признанием самого Достоевского, сделанным еще в 1854 г. в письме к Н. Д. Фонвизинной: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (ДЗ0; 28;: 176). Характерно, что в этом признании еще нет «математики», но противопоставленная Богу «истина» включает ее в спектр своих смыслов. Poleмика с теми, кто «математически» пытается опровергнуть Христа, станет одним из важнейших мотивов творчества Достоевского. Весьма вероятно, что последовательная *дискредитация* «математических» истин наподобие $2 \times 2 = 4$, начинающаяся в «Записках

из подполья», уходит корнями именно в это письмо — Достоевский обрушивается на такую «истину вне Христа», показывая всю ее эфемерность и несостоятельность «при помощи крайней, максимально возможной проблематизации “святой аксиомы”» [Викторович: 22].

Вот и в «Подростке» математика постоянно сталкивается с иррациональностью жизни, причем последняя под влиянием чувств способна обретать незыблемость математических истин. Помимо представления новейших идей, этот мотив появляется при описании деятельности шайки шантажистов, с которой отдаленно был связан Ламберт:

«Доказательств у них не было ни малейших <...>; но вся ловкость приема и вся хитрость расчета состояла в этом случае лишь в том соображении, что уведомленный муж и без всяких доказательств поступит точно так же и сделает те же самые шаги, как если б получил самые *математические* доказательства» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 323).

Наличие подобного «математического доказательства» становится в романе сюжетообразующим: именно вокруг него организуется главная интрига и пружина романного действия. Роковое письмо Ахмаковой все воспринимают как важнейший и неоспоримый документ: и боящаяся за него Катерина Николаевна, и страстно любящий-ненавидящий ее Версильев, и мечтающая — «из борьбы за существование» (ДЗ0; 13: 325) — о богатстве Анна Андреевна:

«...тут уж пойдут не бабы нашептывания на ухо, не слезные жалобы, не наговоры и сплетни, а тут письмо, манускрипт, то есть *математическое доказательство* коварства намерений его дочки» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 325).

Но все отсылки к математическим доказательствам оказываются сомнительными, как впоследствии ложным будет и названное Иваном Федоровичем «математическим доказательством» (ДЗ0; 15: 54) пьяное письмо Дмитрия к Катерине Ивановне с «планом» отцеубийства: «Увы! за ним именно признали эту математичность, и, не будь этого письма, может быть и не погиб бы Митя, или по крайней мере не погиб бы так ужасно!» (ДЗ0; 15: 118).

Как для Аркадия *математика*, своего рода последней соломинкой становится *арифметика*¹¹ для Оли. Объявление, данное ею в газете, звучит так: «Учительница подготавливает во все учебные заведения и дает уроки арифметики» (ДЗ0; 13: 87). Развернутый комментарий такой акцентуации арифметики дает Версилов:

«Подготавливает в учебные заведения — так уж конечно и из арифметики? Нет, у ней об арифметике особенно. Это — это уже чистый голод, это уже последняя степень нужды. Трогательна тут именно эта неумелость: очевидно, никогда себя не готовила в учительницы, да вряд ли чему и в состоянии учить. Но ведь хоть топись, тащит последний рубль в газету и печатает, что подготавливает во все учебные заведения и, сверх того, дает уроки арифметики» (ДЗ0; 13: 87).

«Что-то» про «арифметику» будет объяснять Версилов и самой Оле, прося взять у него деньги не для ее унижения и не из каких-то «грязных» целей, а «по человечеству», позволить ему сделать доброе дело и принять помощь по-христиански:

«Не я вам, говорит, а вы мне, напротив, тем самым сделаете удовольствие, коли допустите пользу оказать вам какую ни есть. <...> “Если и принимаю, — отвечает она ему, — то потому, что доверяюсь честному и гуманному человеку, который бы мог быть моим отцом”» (ДЗ0; 13: 145).

В одном смысловом ряду с «арифметикой» в речи Версилова оказываются «женевские идеи» — то есть «добродетель без Христа <...> теперешние идеи или, лучше сказать, идея всей теперешней цивилизации» (ДЗ0; 13: 173). В комментариях к собраниям сочинений Достоевского указывается, что под «женевскими идеями» писатель понимает здесь взгляды Ж.-Ж. Руссо¹². Однако для современников Достоевского (подтверждением чему служит ремарка Версилова об актуальности «женевских идей») они, вероятно, ассоциировались и с Женевским конгрессом «Лиги мира и свободы» 1867 г., нелестные отзывы о котором наполняют письма Достоевского той поры¹³, и с возникновением в 1868 г. в Женеве Международной лиги женщин¹⁴.

Приверженность «женевским идеям» и уязвленная гордость мешают Оле принять то добро, которое хочет сделать ей Версилов. И если вначале она уговаривает себя, что, принимая помощь, выказывает «деликатность», то потом, возможно, дополнительно раздражаясь пошлыми и старомодными словами маменьки о «благодеении», начинает сомневаться в искренности Версилова и подозревать его в намерении «оскорбить» ее. В конце концов становится понятно, что главная причина гнева Оли — гордыня, не позволяющая принять милосердие:

«Кричит она на меня: “Не хочу, кричит, не хочу! Будь он самый честный человек, и тогда его *милостыни не хочу!* Чтoб и жалел кто-нибудь меня, и того не хочу!”» (курсив мой. — Ю. С.) (Д30; 13: 147).

Возвращая деньги Версилону, Оля выражается в том же роде:

«Вы негодай, милостивый государь! Если б вы даже были и с честными намерениями, то я *не хочу вашей милостыни*» (курсив мой. — Ю. С.) (Д30; 13: 131).

У Оли — своя идея, которой она так и не решится поступиться, что, как и Крафта, приведет ее к самоубийству. Легче окажется не отказаться от арифметики «женевских идей», но устранить то, что не вмещается в них, — то есть саму себя. В этом ряду самоубийств, который затем продолжит Андреев, своеобразным «кандидатом» мог бы стать и Аркадий. Только любовь его родных да светлые детские воспоминания (о важности их будет проповедовать в финале «Братьев Карамазовых» Алеша) останавливают героя на краю пропасти. Едва ли его смогла бы удержать одна идея: не сумев соответствовать ей, Аркадий, вероятно, решил бы на самоубийство, вынеся себе приговор, как и Крафт.

Идиома «как дважды два» становится своего рода символом рациональности в творчестве Достоевского (см.: [Дуккон], [Захаров, 2011], [Zakharov], [Сытина, 2018a], [Сытина, 2019a], [Сытина, 2019б]) — эта формула появляется в «Записках из подполья», затем в «Преступлении и наказании»¹⁵. То, что Достоевский не раз обращался к формуле $2 \times 2 = 4$, делает корректным предположение, что и в «Подростке» появление идиомы

«как дважды два» не случайно порождает определенные смыслы. В этом романе она появляется шесть раз: пять ее употребляет сам рассказчик (в четырех случаях включая в повествование и один раз в речь — в разговоре с Ахмаковой), еще один раз «как дважды два» произносит старый князь Сокольский.

Трижды «дважды два» встречается, когда дело идет о самой хаотичной, иррациональной и страстной стороне жизни Аркадия — его отношениях с Катериной Николаевной. Дважды к этой формуле прибегает Подросток в сцене объяснения с Ахмаковой на квартире у Татьяны Павловны. Летя на свидание и замирая от восторга, вбежав на место встречи, Аркадий наталкивается на стену холодного недоумения Катерины Николаевны: «Ведь я же вас просила вчера передать, что буду у ней в три часа?» (Д30; 13: 201). Вдруг осознав, как жестоко ошибся, вообразив себя счастливым возлюбленным, Подросток «сел как убитый»: «Так вот что оказывалось! И, главное, всё было так ясно, как дважды два, а я — я всё еще упорно верил» (курсив мой. — Ю. С.) (Д30; 13: 201). Но Ахмаковой удается его «разуверить», совершенно очаровать, и тогда в хаотичной речи восхищенного и околдованного «откровенностью» прекрасной дамы Подростка вновь возникнет как дважды два:

«Кто, кто, скажите, заставляет вас делать такие признания мне вслух? — вскрикнул я, как опьянелый, — ну что бы вам стоило встать и в отборнейших выражениях, самым тонким образом доказать мне, как дважды два, что хоть оно и было, но все-таки ничего не было, — понимаете, как обыкновенно умеют у вас в высшем свете обращаться с правдой? Ведь я глуп и груб, я бы вам тотчас поверил, я бы всему поверил от вас, что бы вы ни сказали!» (курсив мой. — Ю. С.) (Д30; 13: 206).

Характерно, что в этом контексте безусловное (ибо подкреплено *математикой!*) «дважды два» органично сочетается с безграничностью слепой *веры*. В дальнейшем же эта «очевидность» будет жестоко опровергнута Версиловым, из слов которого станет ясно, что Татьяна Павловна во время встречи Аркадия и Катерины Николаевны была дома, — это известие приведет Аркадия в ужас.

В конце романа, пытаясь разобраться в сумятице своих чувств к Ахмаковой и понять причины импульсивных поступков, Аркадий восклицает:

«О, безобразие! Одним словом, я не знаю, к кому я ее ревновал; но я чувствовал только и убедился в вчерашний вечер, *как дважды два*, что она для меня пропала, что эта женщина меня оттолкнет и осмеет за фальшь и за нелепость! Она — правдивая и честная, а я — я шпион и с документами!» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 421).

Но, как окажется из дальнейшего повествования, никаких «документов» у Аркадия на тот момент уже не было, да и Катерина Николаевна не оттолкнула Подростка после всей этой истории.

Дважды выражение «как дважды два» появляется в связи со старым князем Сокольским. Сначала сам князь употребляет его в качестве подтверждения того, что ему необходимо общение с Анной Андреевной, что совместная жизнь с нею и путешествия пойдут ему на пользу:

«Жаль только, что я неспокоен; как только остаюсь один, то и неспокоен. Вот потому-то мне и нельзя одному оставаться, не правда ли? Это ведь *дважды два*» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 255).

При следующей встрече с князем Аркадий изумляется происшедшей в старичке от общения с Анной Андреевной перемене к *худшему*, а отнюдь не к *лучшему*, как того можно было бы ожидать от прежнего «дважды два»:

«...мне стало ясно, *как дважды два*, что из старика, даже почти еще бодрого и все-таки хоть сколько-нибудь разумного и хоть с каким-нибудь да характером, они, за это время, пока мы с ним не виделись, сделали какую-то мумию, какого-то совершенного ребенка, пугливого и недоверчивого» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 423).

Мотив уязвимости математики нарастает с развитием романа. Со второй его части конкретные суммы, столь педантично высчитываемые героем вначале, разрастаются до неопределенности: Аркадий то безудержно кутит, то лихо выигрывает на рулетке, одинаково не думая строго считать долги и барыши.

Математическая тема, выраженная через идиому «как дважды два», звучит и в одной из ключевых, поворотных сцен романа — знаменитом эпизоде появления «лучей заходящего солнца», обрамляющих знакомство Аркадия со своим формальным отцом — Макаром Долгоруким. Осмысление этого эпизода занимало многих исследователей (см., напр.: [Лунде], [Медведев]), но математическая его составляющая, по-видимому, пока оставалась без внимания.

Аркадий, хотя и математически уверенный в своей идее, но в то же время измученный переживаниями и не знающий, на что употребить свою жизнь, безуспешно вопрошающий о том своего «кровного» отца Версилова, выздоравливает после болезни:

«На четвертый день моего сознания я лежал, в третьем часу пополудни, на моей постели, и никого со мной не было. День был ясный, и я знал, что в четвертом часу, когда солнце будет закатываться, то косою красный луч его ударит прямо в угол моей стены и ярким пятном осветит это место. Я знал это по прежним дням, и то, что это непременно сбудется через час, а главное то, что я знал об этом вперед, *как дважды два*, разозлило меня до злобы. Я судорожно повернулся всем телом и вдруг, среди глубокой тишины, ясно услышал слова: “Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас”» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 283–284).

Рациональное «дважды два», встроенное в цепь таких же *математических* суждений Подростка, — теперь уже не только не приносящих герою удовлетворения (как это было в начале романа), но и раздражающих его до злобы, — вдруг наталкивается на что-то совершенно необыкновенное, переворачивающее весь внутренний строй души Аркадия в эту минуту. Дважды два — *безобразно*, универсально, бездушно формально, как и идея, которая редуцирует личность ее носителя практически до нуля. Иисусова молитва — воплощение личности, Благодати Нового Завета, а не безличного Закона.

Молитва поражает Подростка, у него вдруг появляются силы («с легкостью, которою я и не предполагал в себе...» — ДЗ0; 13: 284), и он с радостным удивлением, столь непохожим на прежнее раздражение, спешит к необыкновенному гостю. Больной и страдающий старик встречает Аркадия радостным

смехом, «светлый, веселый след» которого остается «в его лице и, главное, в глазах, очень голубых, лучистых, больших, но с опустившимися и припухшими от старости веками, и окруженных *бесчисленными* крошечными морщинками» (курсив мой. — Ю. С.) (ДЗ0; 13: 285). Полагаем, возникающий в связи с образом Макара мотив «неисчислимости» укрепляет нашу аргументацию и при этом не выходит за пределы спектра адекватных истолкований произведения. Также стоит заметить, что, вероятно, это единственный в романе эпизод длительного веселья, радостного света, любви, которая, по завету апостола, «долготерпит, милосердствует, <...> не завидует, <...> не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Кор. 13:4–6), в данном же случае допустимо добавить: и не подсчитывает. В других эпизодах, даже радостно смеясь с Лизой, Аркадий испытывает подспудное беспокойство, его возбуждение недалеко от надрыва.

В беседе старец говорит юноше о том, что «всё есть тайна»: «...во всем тайна Божия» (ДЗ0; 13: 287). В начале разговора Подросток убежден: «...в Бога верую; но все эти тайны давно открыты умом, а что еще не открыто, то будет открыто всё, совершенно наверно и, может быть, в самый короткий срок» (ДЗ0; 13: 287). Мир не воспринимается им как чудо, и если и есть в нем что-то таинственное, то это «именно *таинственные*» шестьдесят рублей, т. к. накоплены втайне, «из карманных денег» (ДЗ0; 13: 17). Однако благолепные, исполненные веры и умиления речи Макара разубеждают Аркадия, и жизнь вдруг становится для него исполненной, говоря словами чеховского героя, также соприкоснувшегося с Божественной тайной бытия, «восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»¹⁶.

Математически верное знание о косых лучах подтверждается в действительности, но теперь для Аркадия это уже не голая и бездушная неизбежность пустого повтора, «символ обыденности, предсказуемости, дурной повторяемости, детерминированности бытия» [Медведев: 35], а новое познание мира, «образ снисходящего на него Святого Духа» [Медведев: 37]:

«Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким

проклятием ожидал давеча, и вот помню, вся душа моя как бы взыграла и как бы новый свет проник в мое сердце. Помню эту сладкую минуточку и не хочу забыть» (ДЗ0; 13: 291).

Припоминая, герой соотносит это чувство с рациональным «неминуемым следствием состояния <...> нервов», но «и теперь» верит в «ту самую светлую надежду». После встречи с Макаром Долгоруким Аркадий преобразуется, изменится и его внутренний ориентир: «...новым *Vater-imago*, новым образом отца Аркадия, замещая образ Ротшильда в его сознании» становится Христос¹⁷ [Бёртнес: 413]. И теперь вместо «математических доказательств» Подросток ищет «благообразия». Не признавая его вначале в своих родных, позже он начнет прозревать его в маме, Лизе, «светлой» стороне личности Версилова, даже в Татьяне Павловне, с которой они из недругов станут друзьями.

Через Макара отсвет надежды на Божью милость падает и, казалось бы, на безвозвратно ушедших во мрак самоубийц Крафта и Олю. Один покончил с собой от усиленных занятий и математических выкладок, другая — так и не найдя уроков арифметики. Но Божий суд строится не на законнической (математической) каре, исключающей милосердие, а на Благодати, любви и всепрощении. Участь самоубийц, по словам Макара, во многом зависит от молитв живых. И Аркадию, если он не покинет путь «благообразия», еще предстоит молиться и за Крафта, с которым он виделся накануне смерти, и за Олю, которую, вероятно, подтолкнул к страшному исходу своими дерзкими речами о Версиллове.

Своего рода оппозицией математике и рациональности, ничего не объясняющей в жизни и только ставящей человека в тупик — порою в прямом смысле самоубийственный, — становится в художественном мире романа «живая жизнь». Она противопоставлена в творчестве Достоевского мертвящему рационализму, убивающему веру и ведущему в «подполье»: «...выход из нравственного тупика — приобщение, возвращение к “живой жизни”» [Кустовская: 170], (см. также: [Кунильский]). Так, косою луч заходящего солнца для Подростка из математической неизбежности преобразуется в луч света Божьего. При этом Аркадий не меняется сам по

себе — кардинально переворачивается взгляд героя, в иссохшую душу которого через общение с Макаром попадает капля животворящей влаги «живой жизни».

В «Подростке» Достоевский продолжает полемику с теми, кто *математически* пытается опровергнуть Христа, противопоставить новозаветной Благодати подновленный, но ветхозаветный по сути своей Закон. С развитием действия романа нарастает мотив уязвимости математики, все рельефнее проступает мысль об иррациональности и несостоятельности «математических доказательств». Выступающая эмблемой рациональной *непреложности* идиома «как дважды два» во всех случаях упоминания в романе так или иначе оказывается обманом: события или развиваются по совершенно иному сценарию, или меняется отношение к ним Аркадия. Вместо математики, в которой герой был так успешен в гимназии, и подсчетов, которых требует реализация идеи, он обращается к писательскому творчеству, и «слова исправляют героя» [Захаров, 2015: 575]. Конечно, само название «Подросток» актуализирует в читательском сознании метафору *роста*, становления, незавершенности¹⁸. Продолжая наш ассоциативный интерпретационный метафорический ряд, можно, вероятно, добавить, что имеются и побочные линии («ростки»), «отпочковывающиеся» от основной идеи Подростка. Тем не менее для *понимания* смысла романа важно акцентировать именно определенность направления, вектор *пути* героя. От идеала Ротшильда он приходит ко Христу, от накоплений — к самопожертвованию, от стремления замкнуться в углу — к деятельной любви, от сухих и мертвенных уравнений — к «живой жизни», от почитания безличного Закона — к взысканию Благодати.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90043 («Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского»).

¹ В письмах отцу и брату Ф. М. Достоевский будет объяснять это личным нерасположением преподавателя алгебры (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 52, 53. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием

- сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках). См. подробнее: [Маскевич, Тихомиров].
- ² Обоснование возможности различных интерпретаций, входящих или выходящих за «спектр адекватности», а также методологическое обоснование необходимости разграничения анализа, интерпретаций и понимания как принципиально различных познавательных актов в изучении литературы, см.: [Есаулов, 1995, 2017b], [Есаулов, Сытина].
  - ³ О концептуальной важности оппозиции Закона и Благодати для русской культуры в целом и для Достоевского в особенности см.: [Есаулов, 1998, 2004, 2017a].
  - ⁴ Попытки рационализировать жизнь были и у самого Достоевского, в частности, связанные с игрой на рулетке, но он признавал важнейшую составляющую, влияющую на все расчеты, — человеческую натуру. Сестре первой жены Варваре Дмитриевне Константин он писал: «Пожалуйста, не думайте, что я форсю, с радости, что не проиграл, говоря, что знаю секрет, как не проиграть, а выиграть. Секрет-то я действительно знаю; он ужасно глуп и прост и состоит в том, чтоб удерживаться поминутно, несмотря ни на какие фазисы игры, и не горячиться. Вот и всё, и проиграть при этом просто невозможно, а выиграете наверно. Но дело не в том, а в том, что, постигнув секрет, умеет ли и в состоянии ли человек им воспользоваться? Будь семи пядей во лбу, с самым железным характером и все-таки прорветесь» (*Д30*; 28₂; 40).
  - ⁵ Н. Нейчев размышляет на этот счет: «...“отходя” от Бога, герой теряет внутреннюю духовную опору, впадает под идейное влияние рассудочного — самую коварную область, где “дважды два — четыре”, где нет чувств, нет веры, а только сухая арифметика “эвклидоваго разума” — особый дьявольский периметр, дающий уверенность и силу человеку превратиться в мерную единицу “всех вещей в мире”, жить без Бога» [Нейчев: 232].
  - ⁶ Подобным образом можно сформулировать и идею Стебелькова, что делает его своего рода «двойником» рассказчика, но между ним и Аркадием изначально существует огромная разница в понимании цели идеи. Рассуждая о сути идеи Подростка, В. Н. Захаров пишет: «На разных стадиях идея героя приобретает разные формы, подчас и узнаваемые с трудом. Так, Аркадий начинает играть, и оказывается, что игра — тоже одно из выражений его идеи. <...> Идея Подростка изменчива и многолика. <...> Идея Аркадия — самостоянье человека» [Захаров, 2015: 568–570].
  - ⁷ На самом деле «барыш» этот меньше, ведь Аркадий платит за альбом два рубля пять копеек, но Достоевский особо акцентирует радость от полученной десятирублевой купюры, которую герой даже целует.
  - ⁸ Впоследствии Васин будет изрекать немало верных, но беспристрастных наблюдений. Его пронизательность восхищает Аркадия, но ее ограниченность станет очевидна главному герою позже, именно на счет Васина он заметит: «Реализм, ограничивающийся кончиком своего

носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что он слеп» (ДЗ0; 13: 115) (ср. размышления Аглаи о правде и справедливости, о том, что «есть два ума: главный и неглавный» — ДЗ0; 8: 356). Васину удается высказывать довольно меткие, но «овнешняющие» человека рациональные суждения, тогда как, по словам Версилова, «великая мысль — это чаще всего чувство, которое слишком иногда подолгу остается без определения» (ДЗ0; 13: 178).

⁹ Вероятно, мысль об иррациональной силе и потому несокрушимости идеи Крафта возникла у Достоевского не сразу, т. к. в черновиках к роману герой несколько иначе апеллирует к «математическим доказательствам» в разговоре с Аркадием: «Если б у меня были три жизни, я бы с удовольствием три раза застрелился, если б только вы могли мне доказать математически, что моя печаль — глупость» (курсив мой. — Ю. С.). Но Подросток переводит проблему в область чувств: «Я ничего вам не могу доказать, а знаю только то, что дайте мне три жизни, мне и тех будет мало, до того мне хочется жить» (ДЗ0; 16: 227). Кстати, можно отметить, что в черновиках есть и другие отсылки к математике, не вошедшие в текст романа. Например, о Фанариотовой, «которая уже принадлежала к самому придворному обществу» особенно отмечается, что «она была очень образована, <...> она математику знала» (ДЗ0; 16: 307). Так, познания в «математике» соотносятся с умением жить.

¹⁰ В черновом варианте «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова, возможно не без оглядки на Достоевского, появится образ инженера «с копытом», воплощающего собою «адскую» математику — инженерно разрушения, распада, нигилизма.

¹¹ Закономерно возникает вопрос, синонимичны ли в художественном мире Достоевского *математика* и *арифметика*? Ответ на него требует дальнейших наблюдений и размышлений.

¹² См.: (ДЗ0; 17: 378); Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Т. 11: Подросток. С. 647.

¹³ А. Н. Майкову Достоевский писал: «Я в жизнь мою не только не видывал и не слыхивал подобной бестолковщины, но и не предполагал, чтоб люди были способны на такие глупости. Всё было глупо: и то как собрались, и то как дело повели и как разрешили. Разумеется, сомнения и не было у меня в том, еще прежде, что первое слово у них будет: *драка*. Так и случилось. Начали с предложений вотировать, что не нужно больших монархий и всё поделать маленькие, потом что не нужно *веры* и т. д. Это было 4 дня крику и ругательств» (ДЗ0; 28₂: 217).

¹⁴ «Действия романа, судя по всему, начинаются в сентябре 1874-го года» [Захаров, 2015: 573].

¹⁵ Отношение к $2 \times 2 = 4$ может служить иллюстрацией реализма «в высшем смысле» Достоевского. В. Н. Захаров, рассматривая отношение писателя к этой формуле, приходит к выводу: «Достоевский отрицал традиционную поэтику, которая основана на непреложности закона

- “дважды два четыре”. Дважды два пять — один из тех принципов его поэтики, который позволял ему выражать и доводить до читателя заветные идеи, в том числе возглашать осанну в горниле сомнений, утверждать вековечный идеал вопреки “математическим” опровержениям свободы, Бога, Христа» [Захаров, 2011: 113]. Для Достоевского, и в этом проступает русское культурное бессознательное (см.: [Есаулов, 1998]), характерная внешняя парадоксальность взглядов, нарушение «очевидности». В частности, это выражается и в отношении к научно-техническому прогрессу (см.: [Сытина, 2018b]).
- ¹⁶ Чехов А. П. Студент // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 309.
- ¹⁷ Христоцентризм — важнейшая составляющая русской литературы и культуры в целом (см.: [Есаулов, 1998], [Захаров, 2001], [Есаулов, 2004]). Стоит заметить, что в Евангелии немало примеров нарушения математических расчетов и «законничества» — притчи о виноградарях, о талантах, о блудном сыне. Именно в Евангелии — корни миропонимания Достоевского, в том числе и его отношения к «арифметике» (см. подробнее обзор мнений на этот счет: [Сытина, 2019b]).
- ¹⁸ Благодарю за это наблюдение И. А. Есаулова.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — Т. 6. — С. 6–300.
2. Белов С. В. Числа у Достоевского // Телескоп. — 2014. — № 3 (105). — С. 31–32.
3. Бёртнес Ю. «Христос-Отец»: к проблеме противопоставления отца кровного и отца законного в «Подростке» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5. — С. 409–415 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2533> (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2533
4. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2007. — 640 с.
5. Викторovich В. А. Роман познания и веры // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. — Коломна: КГПИ, 2003. — С. 17–27.
6. Гаричева Е. А. Преображение личности в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — № 9. — С. 201–215 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312600.pdf (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2011.317
7. Дуккон А. Диалог текстов: «голос» В. Г. Белинского в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Культура и текст. — 2013. — № 1 (14). — С. 4–28.
8. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. — 100 с.

9. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — № 5. — С. 349–362 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526
10. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
11. Есаулов И. А. Опозиция Закона и Благодати и магистральный путь русской словесности // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. — М.: Индрик, 2017. — С. 13–42. (а)
12. Есаулов И. А. «Преступление и наказание»: объяснение, интерпретации, понимание // Mundo Slavico. — 2017. — № 16. — С. 73–81. (б)
13. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Объяснение, интерпретации и понимание в изучении и преподавании литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2019. — № 2 (42). — С. 21–25.
14. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. — С. 37–49.
15. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — 2001. — № 6. — С. 5–20 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511
16. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. — 2011. — № 4. — С. 109–114.
17. Захаров В. Н. Творчество как обретение Слова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. — Т. 11: Подросток. — С. 566–576.
18. Кунильский А. Е. О возникновении концепта «живая жизнь» у Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2007. — № 44. — С. 72–75.
19. Кустовская М. А. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — № 9. — С. 169–179 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430310908.pdf (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2011.314
20. Лунде И. От идеи к идеалу — об одном символе в романе Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — № 5. — С. 416–423 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2535> (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2535
21. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы к биографии 1837–1839 гг.) // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 2. — С. 56–93 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (18.11.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981
22. Медведев А. А. Символика косых лучей в творчестве Ф. М. Достоевского и православная литургическая традиция // Контекст–2008. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 18–46.

23. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. — М.: Наука, 2000. — 587 с.
24. Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. — 316 с.
25. Сызранов С. В. «Жизнь есть художественное произведение самого Творца...»: о художественной концепции жизни в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. — № 26. — С. 141–149.
26. Сыроватко Л. В. «Подросток»: роман об идее // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. — Коломна: КГПИ, 2003. — С. 63–81.
27. Сытина Ю. Н. «Дважды два — математика. Попробуйте возразить»: возражения Достоевского и русской классики // Достоевский и мировая культура: Альманах. — СПб.: Серебряный век, 2018. — № 36. — С. 47–55. (a)
28. Сытина Ю. Н. «Русь, куда ж несешься ты?»: от «птицы-тройки» до железной дороги (Гоголь, Достоевский и другие) // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 4. — С. 115–139 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544616282.pdf (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5601 (b)
29. Сытина Ю. Н. О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. — 2019. — Т. 1. — № 1. — С. 128–147. (a)
30. Сытина Ю. Н. О некоторых особенностях «арифметики» Достоевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2019. — Т. 20. — № 2. — С. 287–299. (b)
31. Тарасов Б. Н. Метафизика денег в творчестве Бальзака и Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — 2015. — № 13. — С. 198–233 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449821477.pdf (18.11.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3121
32. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 193–258.
33. [Фридлиндер Г. М.] <Вводная заметка к примечаниям> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1976. — Т. 17. — С. 256–394.
34. Zakharov V. N. What Is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics // Russian Studies in Philosophy. — 2011. — Vol. 50 (3). — Pp. 24–33.

Yuliya N. Sytina

Moscow Region State University
(Moscow, Russian Federation)

yulyasytina@yandex.ru

A “Mathematical” Problem in Dostoevsky’s *The Raw Youth*

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90043.

Abstract. Dostoevsky’s novel *The Raw Youth* repeatedly refers a reader to mathematics. This fact favors analysis and interpretations of the “mathematical” problem in the novel. Mathematics as an exact science is for Arkady Dolgoruky the main guarantor that his idea of becoming a “Rothschild” is achievable and true. This idea is based on “mathematics”, as it involves the calculation of income. “Mathematical validity” is authoritative for Kraft and other members of Dergachev’s circle, as well as Stebelkov, Lambert, Olya. The plot of the novel is based on “mathematical validity”. It is Katerina Nikolaevna’s fateful letter. The idiom “as simple as twice two makes four” appears six times in *The Raw Youth*. The debunking of this formula is a characteristic motif for Dostoevsky’s work. The motif of vulnerability of “mathematics” increases with the development of the plot. The Raw Youth’s “mathematical” idea collides with his feelings and impulsive actions. The “mathematical validity” turns out to be irrational. Its basis is not logic, but conviction. The opposition to “mathematics” and rationality is “living life” in Dostoevsky’s work. It contributes to the rebirth of Arkady Dolgoruky. He evolves from Rothschild to Christ, from accumulation to self-sacrifice, from Law to Grace.

Keywords: Dostoevsky, *The Raw Youth*, mathematics, as simple as twice two makes four, rational, irrational, Law, Grace, interpretation, understanding, spectrum of adequacy

About the author: Sytina Yuliya N. — PhD of Philology, Associate Professor of the Russian Classic Literature Department, Moscow Region State University (ul. Fridrikha Engel’sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation)

Received: November 19, 2019

Date of publication: July 7, 2020

For citation: Sytina Yu. N. A “Mathematical” Problem in Dostoevsky’s “The Raw Youth”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 144–170. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742 (In Russ.)

References

1. Bakhtin M. M. The Problems of Dostoevsky’s Poetics. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy: v 7 tomakh [Bakhtin M. M. Collected Works: in 7 Vols]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2002, vol. 6, pp. 6–300. (In Russ.)
2. Belov S. V. The Numbers in Dostoevsky’s Work. In: *Teleskop*, 2014, no. 3 (105), pp. 31–32. (In Russ.)

3. Bortnes J. "Christ the Father: Styding the Problem of Contrasting Father in Blood and Father at Law in Fedor Dostoevsky's Novel the Adolescent. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1998, vol. 5, pp. 409–415. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2533> (accessed on November 18, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2533 (In Russ.)
4. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»* [*F. M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 640 p. (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. The Novel of Knowledge and Faith. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: vozmozhnosti prochteniya* [*Fedor Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Possible Reading Interpretations*]. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2003, pp. 17–27. (In Russ.)
6. Garicheva E. A. Transfiguration of Personality in F. M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2011, vol. 9, pp. 201–215. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312600.pdf (accessed on November 18, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2011.317 (In Russ.)
7. Dukkon A. The Dialogue Between Texts: Vissarion Belinsky's "Voice" in Fedor Dostoevsky's "Notes from the Underground". In: *Kul'tura i tekst*, 2013, no. 1 (14), pp. 4–28. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya («Mirgorod» N. V. Gogolya)* [*The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of a Literary Work (N. V. Gogol's "Myrgorod")*]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1995. 100 p. (In Russ.)
9. Esaulov I. A. Easter Archetype in Fedor Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 1998, vol. 5, pp. 349–362. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (accessed on November 18, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526 (In Russ.)
10. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
11. Esaulov I. A. The Opposition of Law and Grace and the Main Path of Russian Literature. In: *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste* [*Russian Classical Literature in a World Cultural and Historical Context*]. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 13–42. (In Russ.) (a)
12. Esaulov I. A. "Crime and Punishment": Explanation, Interpretations, Understanding. In: *Mundo Eslavo*, 2017, no. 16, pp. 73–81. (In Russ.) (b)
13. Esaulov I. A., Sytina Yu. N. Explanation, Interpretation and Understanding in the Study and Teaching of Literature. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [*Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*], 2019, no. 2 (42), pp. 21–25. (In Russ.)
14. Zakharov V. N. The Symbolism of Christian Calendar in Fedor Dostoevsky's Works. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [*New Aspects of Dostoevsky*

- Studies*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 37–49. (In Russ.)
15. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2001, vol. 6, pp. 5–20. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on November 18, 2019) DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
  16. Zakharov V. N. What is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky’s Poetics. In: *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 109–114. (In Russ.)
  17. Zakharov V. N. Creative Process as the Discovery of the Word. In: *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, vol. 11, pp. 566–576. (In Russ.)
  18. Kunilskiy A. E. About the Origins of the Concept “Alive Life” in Dostoevsky’s Works. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University]*, 2007, vol. 44, pp. 72–75. (In Russ.)
  19. Kustovskaya M. A. The Concept of “Living Life” in Dostoevsky’s Works. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2011, vol. 9, pp. 169–179. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430310908.pdf DOI: 10.15393/j9.art.2011.314 (accessed on November 18, 2019). (In Russ.)
  20. Lunde I. From the Idea to the Ideal: The Study of One Symbol in Fedor Dostoevsky’s Novel “The Adolescent”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 1998, vol. 5, pp. 416–423. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2535> (accessed on November 18, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2535 (In Russ.)
  21. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. The Teen Years of Mikhail and Fedor Dostoevsky (New Archival Materials of 1837–1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 56–93. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (accessed on November 18, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981 (In Russ.)
  22. Medvedev A. A. The Symbolism of Slanting Rays in F. M. Dostoevsky’s Works and the Orthodox Liturgical Tradition. In: *Kontekst–2008*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 18–46. (In Russ.)
  23. Merezhkovskiy D. S. L. *Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 587 p. (In Russ.)
  24. Neychev N. *Tainstvennaya poetika F. M. Dostoevskogo [F. M. Dostoevsky’s Mysterious Poetics]*. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2010. 316 p. (In Russ.)
  25. Syzranov S. V. “Life Is an Artistic Work of the Creator...”: On the Artistic Concept of Life in F. M. Dostoevsky’s “The Raw Youth”. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2008, no. 26, pp. 141–149. (In Russ.)

26. Syrovatko L. V. "The Raw Youth": A Novel About an Idea. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: vozmozhnosti prochteniya [Fedor Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Possible Reading Interpretations]*. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2003, pp. 63–81. (In Russ.)
27. Sytina Yu. N. "Two Times Two Is Mathematics. Try to Argue": The Objections of Dostoevsky and of the Russian Classics. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2018, vol. 36, pp. 47–55. (In Russ.) (a)
28. Sytina Yu. N. "Rus', Where Are You Racing to?": from a Bird-Troika to a Railway (Gogol, Dostoevsky and Others). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 115–139. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544616282.pdf (accessed on November 18, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5601 (In Russ.) (b)
29. Sytina Yu. N. The Formula "Two Times Two Is Four" in the Russian Classics and Its Possible Origins. In: *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of Russian Classics]*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 128–147. (In Russ.) (a)
30. Sytina Yu. N. On Some Features of Dostoevsky's "Arithmetic". In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Herald of the Russian Christian Institute for Humanities]*, 2019, vol. 20, no. 2, pp. 287–299. (In Russ.) (b)
31. Tarasov B. N. Metaphysics of Money in the Works of Honoré de Balzac and Fedor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2015, vol. 13, pp. 198–233. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449821477.pdf (accessed on November 18, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3121 (In Russ.)
32. Toporov V. N. On the Structure of Dostoevsky's Novel in Connection with the Archaic Schemes of Mythological Thinking ("Crime and Punishment"). In: *Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Toporov V. N. Myth. The Ritual. The Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetics]*. Moscow, Progress — Kul'tura Publ., 1995, pp. 193–258. (In Russ.)
33. Fridlender G. M. An Introductory Note to Comments. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1976, vol. 17, pp. 256–394. (In Russ.)
34. Zakharov V. N. What Is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics. In: *Russian Studies in Philosophy*, 2011, vol. 50 (3), pp. 24–33. (In English)